

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О НЕГЛАСНОМ КОМИТЕТЕ

HISTORICAL DISCOURSE ON THE SECRET COMMITTEE

N. Filippova

Summary: The article analyzes some of the historical sources revealing the existence and the activity of the Secret Committee at the beginning of the reign of Alexander I. Pre-revolutionary historians, based on their ideological views, gave various assessments of reformatory aims of the Committee members. The author's analysis of the sources is given from the perspective of Discourse Studies. It allows to assess them as a multidimensional and variable historical discourse.

Keywords: Secret Committee, primary historical discourse, secondary historical discourse, reform issue, sources, protocols of the Secret Committee.

Филиппова Наталья Павловна

кандидат исторических наук, доцент, Рязанский
государственный медицинский университет
им. академика И.П. Павлова
nathaliePF@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые исторические источники, свидетельствующие о существовании и деятельности Негласного комитета в начале правления Александра I. Исходя из своих идеологических воззрений, историки по-разному оценивали реформаторские устремления членов тайного общества. Авторский анализ источников проводится с позиции дискурсологии и позволяет дать их оценку, как многомерному и вариативному историческому дискурсу.

Ключевые слова: Негласный комитет, первичный исторический дискурс, вторичный исторический дискурс, проблема реформ, источники, протоколы Негласного комитета.

Повышенный интерес к исторической науке на современном этапе связан не только с необходимостью выработать систему ценностей и осознать свою гражданскую идентичность, но и оценить роль государства и личности в национальной и мировой истории, используя при этом новые подходы. В этом контексте дополнительную актуальность приобретает использование междисциплинарного подхода к изучению исторических источников и их анализ с точки зрения лингвистики, социолингвистики, дискурсологии. В исторической науке сложилась устойчивая традиция исследования источника как текста, являющегося важнейшим способом хранения и передачи информации об историческом явлении, событии, факте. Благодаря изысканиям М. Фуко акцент с изучения текста как грамматической, лексической, синтаксической структуры, сместился на осознание необходимости расширения текста до дискурса, который был выделен в отдельное направление, ставшее перспективным не только для лингвистов.

Необходимость разработать типологию дискурсов была продиктована их разнообразием. Исторический дискурс, выделенный и описанный М. Фуко, неоднороден по своим типологическим характеристикам. Он многомерен, полифункционален, вариативен и соотнесен с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого [29]. На сегодняшний день существует большое количество научных работ, которые не противопоставляют дискурс и текст, а изучают их взаимосвязь и взаимодействие. Терминологический словарь «Теория и методология исторической науки» определяет исторический дискурс как многообразие суждений об

исторической действительности, ансамбль смысловых схем, образующих историческую реальность с одной стороны, с другой как когнитивное поле конкурентной борьбы в исторической науке, связанной с производством исторического знания [26, с. 93–95].

В сфере наших научных интересов находится проблема реформ в России имперского периода начала XIX века. Политическая система, характерная для российского абсолютизма, позволяла путем неформальных связей с монархом создать противовес тем бюрократическим традициям, которые существовали в предыдущем столетии. Друзья императора Александра I – Павел Александрович Строганов, Виктор Павлович Кочубей, Адам Адамович Чарторыйский, Николай Николаевич Новосильцев – объединившись в секретное общество весной 1801 г., пришли к решению действовать не только на политическом поприще, которое было еще в стадии формирования, а через верховную власть. Обществом-политическими устремлениями членов Негласного комитета были связаны с глубинными потребностями российского общества, а именно решением крестьянского вопроса и вопроса о правах сословий, реформированием государственного управления, совершенствованием системы образования. Не остались без внимания сотрудники комитета и вопросы внешней политики государства.

С позиции междисциплинарного подхода представляется актуальным проследить процесс формирования исторического дискурса о Негласном комитете и его роли в реформировании России в начале правления Александра I. В историческом дискурсе, как отмечает

А.П. Миньяр-Белоручева, можно выделить несколько типологических групп посредством классификации составляющих его текстов. «Уникальность исторического дискурса заключается в том, что в его формировании участвуют несколько видов концептуально связанных текстов: первоисточники и созданные на их основе научно-исторические или художественные произведения» [8]. Исследователь разделяет исторический дискурс на два основных вида: первичный исторический дискурс и вторичный исторический дискурс.

Под дискурсом о Негласном комитете будем понимать совокупность источников и научно ориентированных текстов, связанных с проблемой преобразований в эпоху императора Александра I и общественно-политическим движением в России, создающих единое концептуальное пространство. В данной статье при определении границ дискурса о Негласном комитете мы ограничиваемся временными рамками дореволюционного периода изучения его деятельности. Сам дискурс понимается широко, а именно, как дискурс непосредственных участников событий, либо документов, о них свидетельствующих, так и дискурс, порождаемый историками, интерпретирующими первоисточники в зависимости от их идеологических воззрений.

Первичный исторический дискурс о Негласном комитете строится на вербальных источниках, к которым мы, прежде всего, отнесем «Протоколы заседаний комитета», составленные Павлом Александровичем Строгановым на французском языке, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, фонд 1278 (Строгановы). В соответствии с хронологической последовательностью отчетов о прошедших заседаниях они сброшюрованы в три тома, соответственно датированы и озаглавлены. Первый том «Conférences avec l'Empereur et ces ministres 1801» включает отчеты в период с 24 июня по 30 декабря 1801 г. [17]. Второй том «Séances du comité 1802» отражает ход заседаний Негласного комитета в период с 3 января по 24 марта 1802 г. [18]. Третий том «Séances du comité 1802» содержит протоколы, освещающие собрания сотрудников комитета с 31 марта 1802 г. по 9 ноября 1803 г. [19]. Опубликованные тексты «Протоколов» на французском языке являются ценнейшим источником, обладающим высоким научным потенциалом [16]. Уникальность отчетов Строганова заключается не только в том, что, по сути, это единственный источник информации о Негласном комитете. «Протоколы» являются формой политической культуры, позволяющей установить связь между участниками внутривластного процесса и передать специфику политической расстановки сил в первые годы правления Александра I, проследить ход обсуждения в комитете проблем преобразования Сената, создания профильных министерств, кадрового обеспечения административных институтов, реформирования системы общего и специального воен-

ного образования [28, с. 76–79].

Несмотря на доминирующую роль «Протоколов» для дискурса о Негласном комитете, необходимо также обозначить другие первоисточники такие, как записки, мемуары и проекты членов этого тайного общества и привлеченных к работе государственных сановников, которые характеризуют объем и основные направления занятий Негласного комитета. Прежде всего, к ним относятся записки П.А. Строганова о преобразованиях, о принципах и формах организации работы с императором над реформой, о необходимости создания комитета. Основной корпус записок на эту тему опубликован в приложении ко второму тому исследования великого князя Николая Михайловича [16, с. 5–57]. Из неопубликованных записок Павла Строганова отметим: «Des changements gradués...» [20, л. 38–39]; «Application des principes de changement à notre cas» [20, л. 42–43]; «Dans ce moment notre comité» [21, л. 25–26]. Некоторые проекты, рассмотренные на заседаниях Негласного комитета, опубликованы и представляют значительный интерес для характеристики внутренней политики Александра I. К ним отнесем: «Таблицу властей империи», предложенную к рассмотрению А.А. Чарторыйским [1, с. 98–99]; «Проект организации министерств» [16, с. 277–297]; «Наказ Совету» [16, с. 247–252]; «Очерк об органическом регламенте всех ветвей правительства России» [16, с. 253–261]; «Реформа Сената» [16, с. 301–313], а также архивные документы, связанные с процессом подготовки министерской реформы [13].

Первичный дискурс о Негласном комитете опирается на источники личного происхождения. Прежде всего, речь идет о личной переписке членов комитета между собой, а также с государственными сановниками, представителями аристократической элиты, чиновниками. Основной массив писем содержится в «Архиве князя Воронцова» [9,10,11], а также в «Сборнике Императорского русского исторического общества» [24, с. 431–443] и в монографии великого князя Николая Михайловича [16, с. 325–423]. Особой ценностью обладает переписка между Александром Павловичем и его наставником Ф.-С. Лагарпом, свидетельствующая о большом влиянии, которое в течение тридцати лет тот оказывал на формирование либеральных взглядов будущего императора [6, с. 280–343; 378–553]. Несомненный интерес представляют дневники и мемуары [4, 7]. Отдельно выделим дискурс мемуаров члена Негласного комитета А.А. Чарторыйского, являющийся отражением взглядов представителя иной национальности и правовой культуры на жизнь российского общества и внутреннюю политику государства, принципы и устремления императора и своих друзей – сотрудников комитета [30]. Несмотря на ангажированность, по сути, только в мемуарах А.А. Чарторыйского деятельность Негласного комитета получила должное отражение.

Дискурс эпистолярного наследия и мемуаров, в комплекте с обзорными записками, мемориями и проектами позволяет воссоздать межличностные отношения членов комитета, проследить жизнь российского придворного общества, реконструировать закулисную борьбу в административно-бюрократическом аппарате России имперского периода начала XIX в., а также процесс подготовки в Негласном комитете преобразований в начале Александровского царствования. Оценить некоторые результаты деятельности Негласного комитета можно по материалам официального делопроизводства государственных учреждений Российской империи, которые относятся к первичному дискурсу о Негласном комитете. Они отложились в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива [3, 22, 23]. Законодательные акты сосредоточены в инкорпорации «Полное собрание законов Российской империи» [12] и других тематических сводах [25].

В материалах первичного дискурса о Негласном комитете содержится информация, отображающая социально-политическую культуру и идеологию периода их создания, которую нельзя подвергнуть изменению. Несмотря на все разнообразие источников, составляющих первичный дискурс о деятельности этого неофициального органа, необходимо отметить их статичность, константность как свойства первостепенной важности. «Дискурс первоисточников обретает динамизм при их интерпретации, – указывает А.П. Миньяр-Белоручева, – вторичный исторический дискурс создается посредством составляющих его вторичных, по отношению к первоисточникам, текстов, т.е. научно-исторических и художественных произведений, в которых эксплицитно и имплицитно прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка. Во вторичном историческом дискурсе присутствует историческое сознание исследователя или писателя, его восприятие и интерпретация событий прошлого, изложенных в первоисточниках» [8].

Ярким свидетельством этого утверждения служит вторичный дискурс о Негласном комитете. Посредством изучения многочисленных первоисточников, прежде всего «Протоколов заседаний», дореволюционные историки дали неоднозначные оценки реформаторской деятельности этого тайного общества, трактуя их в зависимости от своих идеологических воззрений. Таким образом, вторичный дискурс дореволюционного этапа изучения Негласного комитета может быть условно разделен на три направления: консервативное, демократическое и либеральное. Официальное консервативное направление связано с именами военных дворянских историков, генералов М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера, которые имели доступ к архивным документам и рукописям, т.е. первичному дискурсу о создании комитета, его преобразовательных планах и занятиях. Оба истори-

ка, находясь на монархических позициях, рассматривали деятельность Негласного комитета лишь в контексте истории правления Александра I, не осмеливаясь критиковать инициативы императора. Однако дискурс историков относительно членов Негласного комитета и их реформаторских инициатив вариативен и неоднороден.

М.И. Богданович дает членам Негласного комитета подробные и далеко не лестные характеристики, осуждая их конституционные устремления, чуждые, по его мнению, историческому пути развития российской государственности. Он подчеркивает, что мысль о важнейших реформах принадлежала исключительно «молодым друзьям», которые по своей «неопытности и неведению порицали законы и уставы», существовавшие в России [1]. Не имея на то никаких оснований, они подрывали основы государственности, рассуждая о свободе и конституциях в превратном смысле. В противовес «пылкой юности» М.И. Богданович ставит пассивность опытных дельцов екатерининской эпохи: Д.П. Трощинского, П.В. Завадовского и др., не сумевших противостоять принятию противоречивших друг другу реформ Сената и создания министерств.

В 1897 г. Н.К. Шильдер также обращается к первичному дискурсу, т.е. к «протоколам Негласного комитета», и публикует их краткий текст на французском языке, особо подчеркивая значимость изучения именно подлинника [32]. При всей близости позиций дискурсы М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера о деятельности Негласного комитета существенно отличаются, прежде всего, в трактовке противоборствующих сил в правительственных кругах в начале правления Александра I. Если М.И. Богданович видит две противостоящие группировки, то у Н.К. Шильдера расстановка сил более сложная, их не две, а три, что, очевидно, более точно отражает конкретно-историческую ситуацию. Историк противопоставляет «молодым друзьям» – сторонникам преобразований и новых идей, не только «екатерининских стариков», которые придерживались традиционных идеалов прошлого, но и влиятельных сановников, таких как Д.П. Рунич, Г.Р. Державин, А.А. Беклешев, негативно настроенных к либеральным идеям государя. По мнению автора, такое противостояние значительно затрудняло преобразовательную деятельность императора. В отличие от М.И. Богдановича, Н.К. Шильдер называет это время правления Александра I периодом колебания.

Демократическое направление в дискурсе о Негласном комитете имплицитно прослеживает его деятельность и может быть классифицировано как художественно-историческое. Оно представлено не историками, а писателями-публицистами, теоретиками и практиками оппозиционного движения середины XIX в., философами А.И. Герценом [2, с. 209–230] и Н.Г. Чернышевским [31, с. 794–827]. Ими был поставлен вопрос о необходимо-

сти общественных преобразований в России не путем постепенного реформирования, как того хотели Александр I и его сподвижники, (все реформы они считали полумерами), а радикальным путем революционных, буржуазно-демократических преобразований. Труды и публицистика А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского способствовали формированию взглядов, которые впоследствии стали основой дискурса советской идеологии и историографии. Их идеи и многие практические оценки правительственно-реформаторского направления политики Александра I оказали заметное влияние не только на развитие революционной теории и практики, но и на либеральное направление в историографии второй половины XIX столетия.

Эволюция в восприятии и интерпретации первичного дискурса о Негласном комитете связана с развитием либеральных идей о правах и свободах личности, светском характере общества, политическом плюрализме и конституционной монархии. Ярким представителем либерального направления и наиболее крупным исследователем эпохи Александра I был историк и исследователь общественного движения А.Н. Пыпин. С его точки зрения, члены Негласного комитета явились выразителями тех буржуазно-либеральных идей, которые зарождались в общественном сознании в этот период, и которые были подготовлены всем ходом исторического развития России в XVIII в. [14]. Историк называл Александра I и его советников передовыми людьми общества и подчеркивал, что их объединяло «согласие в убеждениях и сходство понятий». В дискурсе историка прослеживается высокая оценка преобразовательных замыслов членов комитета и императора, в том числе и в области народного образования, он показывал, каким толчком к дальнейшему развитию просвещения в России послужили мероприятия первых лет правления Александра I. Все преобразования администрации: создание министерств и реформа Сената, предпринятые Негласным комитетом, по мнению А.Н. Пыпина, осуществлялись в ожидании преобразований политических, установления конституции и введения представительных основ правления. Его взгляды оказали существенное влияние на развитие исторического дискурса об эпохе Александра I вплоть до настоящего времени.

Похожая высокая оценка реформ государственного управления прослеживается в дискурсе С.В. Рождественского, который в 1902 г. опубликовал «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения» [15]. В кратком очерке занятий Негласного комитета в особую заслугу членам неформального органа С.В. Рождественский ставил учреждение Министерства народного просвещения, «считая, что вопрос о создании центрального органа управления, объединяющего в своих руках правительственное попечение о народном образовании» являлся одним из важнейших. Он полагал,

что, благодаря деятельности знаменитого Неофициального комитета, интересы народного просвещения в правительственной политике Александра I и его приемников выдвинулись на первый план.

Фундаментальным событием в дореволюционной историографии стало появление исследования историка, великого князя Николая Михайловича. Его дискурс о деятельности Негласного комитета, рассматриваемой через призму биографии П.А. Строганова, позволил перейти от выдвижения гипотез об основных общественно-политических направлениях развития России к конкретно-историческим исследованиям. Дискурс великого князя Николая Михайловича отличался от дискурса предшественников, он дал собственную трактовку реформаторской деятельности Александра I и членов Негласного комитета, настаивая на том, что в основе деятельности комитета лежала законность, «как исходная точка и конечная цель преобразований». Он считал большой ошибкой утверждение, что автором всех реформ являлся император Александр I. В отличие от предшественников, несмотря на принадлежность к императорской фамилии, великий князь Николай Михайлович достаточно критично оценивал личность Александра I и пришел к выводу, что инициатива в деле реформирования исходила не от императора, а от членов Негласного комитета. По мнению историка, царь никогда не был реформатором, «а в первые годы своего царствования он был консерватором более всех, окружавших его советников». Главенствующую роль в преобразованиях начала XIX в. сыграл Негласный комитет, целью которого было «обеспечить государственные учреждения конституцией». Главной заслугой великого князя Николая Михайловича является публикация материалов первичного дискурса, а именно наиболее полных французских текстов «протоколов» и целого ряда архивных материалов в монографии «Граф Павел Александрович Строганов» [16].

Революционные события 1905–1907 гг. и связанное с ними создание Государственной думы усилили интерес историков к правительственному реформаторству Александра I. Изучив первичный дискурс о Негласном комитете, в том числе на основе публикации великого князя Николая Михайловича, профессор Киевского университета М.В. Довнар-Запольский выступил с критикой деятельности «молодых друзей», так как не нашел в «Протоколах» реальных проектов преобразований [5]. Он использует первичный дискурс для характеристики общественного движения в России с либеральных позиций. В дальнейшем конкретно-историческое изучение деятельности Негласного комитета было прервано революционными событиями 1917 г., которые неизбежно привели к смене исследовательских парадигм в отечественной науке.

Итак, во вторичном историческом дискурсе о Негласном комитете явно прослеживается вариативность и динамика оценки его деятельности: от полного отрицания роли этого неформального органа в реформировании России, до признания значения преобразований, принятых в комитете, для будущего государства. Такая полифоничность вторичного дискурса детерминирована первичным многоаспектным дискурсом и неоднозначностью восприятия исследователями информации, содержащейся в первоисточниках. Интерпретируя собы-

тия в зависимости от своих идеологических убеждений, исторических условий, мировоззрения, исследователи разошлись в оценке деятельности Негласного комитета. В границах дореволюционного дискурса, который мы характеризуем, как вариативный и полифункциональный, поиск исторической истины не был завершён, он способствовал не только формированию нового знания о феномене Негласного комитета, но и его трансляции в академических кругах исторического сообщества в последующие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869. Т. 1. 539 с.
2. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 7. 457 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 535, 536, 538.
4. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. Суворина, 1886. 588 с.
5. Довнар-Запольский М.В. Зарождение министерств в России. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1906. 83 с.
6. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: письма, документы: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1. 920 с.
7. Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003. 720 с.
8. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения 21.01.2023)
9. Письма В.П. Кочубея // Архив князя Воронцова. Кн. XIV. М.: Типография Лебедева, 1879. 556 с.
10. Письма В.П. Кочубея к С.Р. Воронцову. Письма Н.Н. Новосильцева к графу А.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. XVIII. М.: Университетская типография, 1880. 510 с.
11. Письма С.Р. Воронцова к Н.Н. Новосильцеву // Архив князя Воронцова. Кн. XI. М.: Типография Лебедева, 1879. 514 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
13. Приходько М.А. Черновики Манифеста 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств». М.: Компания Спутник+, 2003. 137 с.
14. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. СПб.: Академический проект, 2000. 560 с.
15. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. 820 с.
16. Романов Н.М. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. Т. 2. 488 с.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 10.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12.
20. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 13.
21. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 14.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 14.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 732.
24. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Печатня В. Головина, 1872. Т. 9. 536 с.
25. Сборник постановлений по министерству народного просвещения: в 17 т. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. Т. 1. 1007 с.
26. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
27. Филиппова Н.П. Негласный комитет и проблема реформирования России: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2017. 23 с.
28. Филиппова Н.П. Протоколы Негласного комитета как явление политической культуры // VIII Барташевские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. 268 с.
29. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
30. Чарторижский А. Мемуары. М.: «Терра-Книжный клуб», 1998. 304 с.
31. Чернышевский Н.Г. Русский реформатор (рец. на кн. М. Корфа) // Собрание сочинений в 15 т. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1950. Т. 7. 1096 с.
32. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. Т. 1. 408 с.

© Филиппова Наталья Павловна (nathaliePF@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»